
ФРАНЦУЗСКИЕ ПРАВЫЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

А. Руссо

«НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» РЕЖИМА ВИШИ

Для того, чтобы политический проект Виши стал восприниматься историками всерьез, и они усмотрели в «национальной революции» нечто большее, чем просто перечень намерений, так или иначе связанных друг с другом, пришлось ждать конца 60-х гг.¹. И хотя проект этот так и остался всего лишь идеей, тем не менее, он заслуживает того, чтобы быть проанализированным. В самом деле, «национальная революция» – единственный пример в новейшей истории Франции того, как политическая культура авторитарного и реакционного толка берет на себя ответственность за государство в целом и определяет его будущее. До того она всегда оставалась идеологией меньшинства. На протяжении всего существования Третьей республики реакционные политики были практически отстранены от принятия ответственных решений, а после 1944 г. и вовсе отлучены от какой бы то ни было власти. Конечно, эта политическая культура осуществляла свою власть в исключительных обстоятельствах, однако она смогла это сделать, поскольку занимала заметное место в спектре идеологических традиций Франции.

Анри Руссо – директор Института истории современности (Париж).

¹ Робер Арон в своей «Истории Виши», вышедшей в 1954 г. и ставшей на долгое время главной работой по рассматриваемой теме, посвящает этому вопросу не более шестидесяти страниц из семисот с лишним. Среди книг начала 70-х гг. можно обратиться к исследованиям Ива Дюрана, изданным Национальным Фондом политических наук, классическому сочинению Роберта Пакстона, а, кроме того, к пролагающей новые пути диссертации Изабель Буссар, защищенной в 1972 г.

Можно ли говорить о «культурной революции»? Именно такой лозунг провозгласил сам Петен 25 июня 1940 г., в день заключения перемирия и накануне официального учреждения режима Виши: «Прежде всего я призываю вас к интеллектуальному и моральному возрождению». Речь тут идет не просто о том, чтобы изменить людей и переосмыслить систему управления страной, а о стремлении изменить структуры французского общества, создать нечто противоположное республиканскому устройству, либеральному капитализму, индивидуализму и универсализму современного общества.

Термин «национальная революция» относится одновременно и к самой доктрине петеновского режима, восходящей к нескольким различным источникам, и к серии конкретных преобразований в политической, экономической, общественной и культурной сферах.

Режим Виши начал свою деятельность в июле 1940 г. Не явилась ли необходимость «внутреннего возрождения», на которой настаивал клан Петена-Вейгана, одним из оправданий установленного за месяц до того перемирия? Срочность прекращения войны диктовалась этой необходимостью. В таких условиях не могло идти речи о прекращении оккупации или о достижении сепаратного мира. Впрочем, «национальная революция» и государственный коллаборационизм составляли две части одного и того же политического проекта – их цели неразделимы. В самом деле, внутреннее обновление полностью обуславливалось успехом внешней политики режима, его сотрудничеством с рейхом.

Как же могла Франция приниматься за осуществление большого дела, рассчитанного на долгие годы, не восстановив сначала своего суверенитета, не определив своего места в будущем, послевоенном европейском равновесии? Напротив, идеологические основания «национальной революции» неизбежно привязывали страну к лагерю нацизма и фашизма, победы которого, следуя строгой логике, она теперь только и могла желать. С трудом можно представить себе сохранение подобного режима в рамках политического устройства после победы союзников, даже если кто-то в Виши и мечтал о таком исходе, даже если политика американцев в северной Африке, в особенности в 1942 г., могла поддерживать в этом отношении некоторую неопределенность. Таким образом, идеологи «национальной революции» с самого начала определяли ее как конкретное, но глобальное миропонимание. И, прежде всего, наиболее общий смысл этого термина они видели в выражении определенного видения Франции.

ИСТОКИ

Долгое время считалось, что «национальная революция» наследовала исключительно идеи «Аксьон франсез», либо черпала отовсюду понемножку. На самом деле, она представляла собой попытку прагматического синтеза многих течений. Именно это разнообразие придает вишистской диктатуре ее, как выразился Стенли Хофман, «плюралистический» характер. В основе своей она, безусловно, сохраняла преемственность с главными течениями реакционной мысли XIX в. Отказ от идеалов 1789 г. позаимствован у контрреволюционеров, например, у Луи де Бональда или Жозефа де Местра. Критика индустриального общества вдохновлена Ле Плэ, социальный католицизм взят у Рене де Латур де Пэна или Альбера де Мэна; есть еще и поиски «третьего пути» между капитализмом и социализмом. Все эти составляющие так или иначе отразились в идеологии режима Виши. Из тех же источников взята критика индивидуализма, который лишает человека корней, связывающих его с предками. Вновь утверждается приоритет структур «естественной» среды, органических сообществ, таких как нация, семья, профессия.

В то же время, вопреки распространенному убеждению, вишистский режим не отвергал бесповоротно все наследие 1789 г. Да, он учредил новую символику, самым известным знаком которой стала галльская секира, как дань уважения предкам. Однако празднование 14 Июля и «Марсельеза»² в качестве гимна были сохранены. В официальной системе образов знамя и другие трехцветные символы Республики постоянно связывались с личностью Петена. Речь, однако, совершенно не шла о возврате к иллюзорному Старому порядку. Первая статья «Принципов сообщества», опубликованных в 1941 г., как бы давая отпор Декларации прав человека и гражданина, признавала существование «естественных прав»: «От природы человек обладает основополагающими правами; но обеспечиваются они лишь сообществами, в коих человек живет: семьей, которая его воспитывает, профессией, которая его кормит, нацией, которая его защищает»³.

Разумеется, идеология «Аксьон франсез», являвшаяся наследницей традиционалистской культуры, обеспечила «национальную революцию»

² См.: *Gordon B. National movement and the French Revolution: the justification of the French Revolution in fascist Italy, nazi Germany and Vichy France // L'Image de la Révolution française. Actes du Congrès mondial de la Sorbonne de juillet 1989 / Éd. M. Vovelle. P., L., 1989.*

³ *Pétain A.Ph. Principes de la Communauté // La France nouvelle. Appel et messages. 17 juin 1940-17 Juin 1941. S.l., 1941. P. 165.*

солидной частью ее идейного багажа. Сторонников перемирия неотступно преследовал образ «одной лишь Франции», а потом они стали ярыми сторонниками государственного коллаборационизма. Они воспевали «единоличную власть» и аплодировали вступлению в должность «Маршала». Для них была характерна враждебность принципу политического представительства, а следовательно, по определению, и всякой парламентской демократии. Они разоблачали «Анти-Францию» и «четыре объединенных группы»: евреев, франкмасонов, иностранцев и протестантов. Все эти идеи впервые выражались официально, на государственном уровне, например, в статуте о евреях от 3 октября 1940 г. Что же касается «возвращения к земле» и призыва к «корпоративному государству», то они вот уже полвека как существовали в доктрине «Аксьон франсез». Впрочем, и сами фанатичные последователи Морраса играли при режиме Виши важную роль. Самый известный из них – хранитель печатей Рафаэль Алибер, ставший составителем трех первых конституционных актов и первых репрессивных законов.

В то же время, режим Виши никогда не имел монархических притязаний, и в этом существенное отличие его целей от устремлений «Аксьон франсез». Впрочем, некоторые детали, вроде выбора дофина или протокольных формул представления главы государства – «Мы, Маршал Франции, Глава французского Государства, и Совет министров постановляем...» (эта формула предшествовала всем законам вишистского режима) – могли бы порадовать старого Морраса. Однако и в идейном, и в практическом плане, вишисты все же часто отходили от этого своего предшественника. Тут, впрочем, нет ничего удивительного, поскольку к 1940 г. доктрина «Аксьон франсез», подвергавшаяся многочисленным нападкам справа, выглядела мертвелою.

«Национальная революция» стала наследницей и других идеологических течений. Можно упомянуть заимствованные у предвоенных крайне правых объединений, особенно у лиги «Огненных Крестов» полковника де Ля Рока, лозунги возрождения «старинного боевого духа» и ряд других. Мысли о «долге», «жертвенности», «повиновении начальству», обязательной для всех готовности «служить», неприятию каких бы то ни было разногласий внутри страны, т.е. политических партий, вновь и вновь повторялись в речах Петена как до, так и во время оккупации. Убеждение в необходимости сильной исполнительной власти, требование «любви к Государству» для его служителей, вызывают в памяти идеи Андре Тардьё, который в начале 30-х годов был глашатаем конституционной реформы

В равной мере планы и мероприятия, осуществленные в экономике и в социальной сфере, явились прямым следствием предложений некоторых предвоенных кружков интеллектуалов. Тут прослеживаются идеи «нон-конформистов» или антилибералов, группы «Х-Кризис», мысли Жана Кутро из «Новых тетрадей», предложения Жака Барно, а плюс к тому еще и разнообразные тенденции корпоративизма, воплощавшиеся, например, в деятельности Института корпоративных и социальных исследований Мориса Бувье-Ажана. Персонализм и теория Эмманюэля Мунье также по своему повлияли на это туманное явление, называемое вишистской идеологией.

Наконец, некоторыми своими принципами и элементами доктрины вишисты обязаны течениям левого фланга, которые образовались в результате разрыва с коммунистами и социалистами и стали обнаруживаться среди коллаборационистов чаще всего после 1940 г. Так, сама идея «революции», хотя бы и «национальной», сформулирована, скорее всего, интеллектуалами с марксистским прошлым, вроде Марселя Деа, который некоторое время был близок к режиму Виши. Цель тут состояла в подражании большевистскому революционному идеалу, а также в использовании энергии порыва масс, подобно фашизму и национал-социализму. Этим и объясняются колебания наиболее консервативных представителей вишистского режима, которые поначалу предпочитали «революции» слова «возрождение» или «обновление». Однако термин «революция» вскоре утвердился. В заявлении, сделанном американской прессе 22 августа 1940 г., Петен оправдывал его использование следующим образом: «"Национальная революция" направлена не против политического гнета, а против отжившего режима. Она началась на следующий день после поражения, семь лет спустя после германской революции, восемнадцать лет спустя после итальянской и в духе, совершенно отличном от этих двух исторических революций»⁴.

ПРИМЕНЕНИЕ ВЛАСТИ НА ПРАКТИКЕ

«Национальная революция» искала общий знаменатель для способов осуществления власти, применявшихся представителями элит, сформиро-

⁴ La doctrine du Maréchal classée par thèmes. Это пропагандистская брошюра, место и год издания не указаны. Термин «революция» появляется впервые в «посланиях» к французам 13 августа 1940 г. («Революция сверху, как ее называют»), а термин «Национальная революция» – 8 октября 1940 г.

вавшихся в разных условиях и имевших различные воззрения. Каждая из них, действуя в своей области, претендовала на воплощение в жизнь, не без острых конфликтов с другими, истинного (и весьма туманного) содержания «замыслов Маршала». Некоторое, хотя и неполное представление о них дает девиз «Труд, Семья, Родина», извлеченный из Конституционного закона от 10 июля 1940 г. Он позаимствован у лиги «Огненные кресты». Девиз был призван заменить республиканскую триаду «Свобода, Равенство, Братство», основанную на универсальных и, следовательно, абстрактных ценностях. В нем выразилось стремление «национальной революции» опираться на принцип «сообществ», «реальных» естественных групп: нации, региона, профессии, семьи. Индивид включен во все эти расположенные иерархически ячейки и связан с ними неразрывными, как предполагалось, узами. Рене Жилуэн, один из самых влиятельных теоретиков вишистского режима, предложил более внятное определение нового режима, позволяющее анализировать его руководящие принципы и достижения: «Новое Государство национально, – писал он, – автократично, иерархично и социально»⁵.

Режим Виши принадлежит к числу «национальных объединений». Поскольку нация представляет собой высшую форму сообщества, то идея какого бы то ни было разделения внутри нее исключена – будь то борьба классов или политический плюрализм. Вишистский режим открыто не запрещал политические партии, (исключение составила Коммунистическая партия, находившаяся в подполье с 1939 г.). Впрочем, после поражения в войне и начала оккупации почти все партии и так исчезли. Тем не менее, на практике правительство Виши препятствовало любой партийной деятельности, во всяком случае, той, которая не благоприствовала ему а priori. Роспуск Палат, цензура, контроль над прессой, репрессии в отношении деятелей как левого, так и правого фланга (Леон Блюм, Пьер Мендес Франс, Жан Зей, Эдуард Даладье, Жорж Мандель) постепенно сделали невозможной какую бы то ни было политическую жизнь. Точно так же государство в ноябре 1940 г. распустило крупные профессиональные союзы, как рабочие, вроде ВКТ или ФКХТ (Французская конфедерация христианских трудящихся), так и предпринимательские, вроде ГКПФ (Генеральная конфедерация французских предпринимателей). Вишистский режим претендовал на обрамление общества новыми структурами. Цель состояла в том, чтобы «деполитизировать» французское общество, положить конец

⁵ См.: France 1941. La Révolution nationale constructive. Un Bilan et un programme. P., 1941. Это коллективный труд, составленный видными деятелями нового режима и поддерживавшими его писателями.

«культуре противоречий», из которой происходили все несчастья, начиная с поражения в войне. Частично эта цель была достигнута.

Коль скоро новое государство определялось как «национальное», то оно «изгоняло из своего лона и лишало какого бы то ни было руководящего влияния индивидуумов или группы, которые вследствие расовой принадлежности или по убеждениям не могут или не хотят признать примат французской родины. Таковы иностранцы, евреи, франкмасоны, коммунисты, интернационалисты любого происхождения и принадлежащие к любым организациям», – писал Рене Жилуэн⁶. При этом «нация» определялась только лишь от противного. На самом деле, вишистский режим понимал ее одновременно как органичную и ограниченную целостность, основанную на исключении, возведенном в доктрину и проявляющемся в политике. Именно здесь он нанес самый сильный удар принципу равенства граждан перед законом. Создавались категории граждан второго сорта, унижаемых, не имеющих доступа к определенным профессиям, а затем гонимых, выдаваемых немцам, депортируемых.

Согласно закону от 17 июля 1940 г., любой магистрат, функционер или другой представитель государства мог быть отстранен от своих функций простым министерским распоряжением. Эта мера восходила к некоторым декретам, принимавшимся еще в 1939 г., в условиях военного положения. Однако здесь она применялась по совершенно другим причинам. Другой закон от того же числа запрещал доступ к государственным должностям всем французским гражданам, рожденным от отца-иностранца. В целом за 1940 г. было «вычищено» около 2300 чиновников.

22 июля 1940 г. принят еще один закон, предусматривавший пересмотр всех случаев натурализации, начиная с 1927 г. «Недавние французы» – так, согласно Жилуэну, назвал их Петен 15 августа 1940 г.⁷. Таким образом, 15000 граждан, около трети которых составляли евреи, вновь стали иностранцами и в этом качестве подверглись ограничительным мерам.

13 августа 1940 г. правительство запретило «тайные общества». Эта мера ударила по франкмасонам, к которым Петен испытывал особенное отвращение. Ложи распускались, а имена их членов публиковались в «Официальной газете», дабы масоны подверглись общественному осуждению. Наконец, 3 октября 1940 г. и 2 июня 1941 г. были обнародованы «Статуты об евреях», налагавшие запрет на их деятельность в ряде профессий и делавшие евреев гражданами низшей категории. Вишистский режим приобщился к антисемитизму, включив его в «национальную рево-

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

люцию» как важную, хоть и не центральную часть. Таким образом, коллаборационизм привел режим к активному участию в «окончательном решении еврейского вопроса», хотя сама по себе вишистская доктрина не предполагала ни уничтожения евреев, ни даже их изгнания с территории Франции.

ПРИРОДА ВЛАСТИ

В «Национальной революции» была предпринята попытка переосмыслить вопрос об источнике власти, ее осуществлении и передаче. Речь шла, в то же время, об укреплении могущества и прерогатив государства. Общая цель, однако, при этом не была поставлена, хотя постановление от 10 июля 1940 г. и предполагало «конституционную реформу». Разрыв с Третьей республикой происходил не сразу, а путем последовательных мер, в которых проявлялись естественный авторитаризм руководителей и постепенное воплощение принципа неделимости власти (государства и администрации).

Конечно, то, что происходило, не было ни неожиданным, ни оригинальным. Не переоценивая данного факта, можно вспомнить, что, уже начиная с 1938 г. сфера деятельности Палат систематически сужалась из-за применения законов-декретов. Страна привыкла к авторитаризму исполнительной власти – именно с ним часто связывают тот небольшой подъем, который переживала Франция накануне войны. Одновременно с этим расширение прерогатив государства вписывалось и в процесс длительной протяженности, поскольку как раз это, по сути дела, и происходило при Третьей республике, причем демократическим путем. А позже – и при Четвертой республике, и при Пятой. Однако вишистский режим осуществил радикальный политический разрыв.

Прежде всего, были произведены глубокие изменения в порядке функционирования власти. В первых «конституционных актах» от 11 июля 1940 г. Петен по собственной инициативе заявил, что «возлагает на себя функции главы Французского государства» (акт № 1); берет на себя «всю полноту правительственной власти» (акт № 2) и откладывает заседания Палат «до нового распоряжения» (акт № 3). Республика, таким образом, практически сводилась на нет, и вводился авторитарный режим, при котором исполнительная, законодательная и судебная власти бесконтрольно сосредотачивались в одних руках.

В свою очередь, модифицировался и процесс передачи власти. Теперь назначался «дофин», и вице-президент Пьер Лаваль, а затем персонально

адмирал Дарлан последовательно становились наследниками всей полноты власти главы государства на случай «невозможности» осуществления оной им самим (акт № 4 от 12 июля 1940 г. и поправка от 10 февраля 1941 г.). И, самое главное, не предусматривались никакие выборы, никакое наделение полномочиями, кроме того, которое осуществлял Государь-Маршал. Закон от 12 октября 1940 г. приостанавливал сессии избранных генеральных советов, заменяя их «административными комиссиями» и передавая их полномочия префектам. А это ставило вопрос – теоретически, разумеется, принимая во внимание обстоятельства – об источнике власти, а, следовательно, о легитимности режима.

Внешне принцип национального суверенитета не был поколеблен, поскольку мандат верховного правителя Петена обеспечивался голосованием Национального собрания (более или менее законным, о чем ожесточенные споры ведутся вот уже пятьдесят лет). На самом же деле «национальная революция» означала попытку на практике установить личные связи между главой государства и французами. Для этого вводилась отягощенная большой символической нагрузкой присяга для высших функционеров и магистратов, но, прежде всего, для этого навязывался государственной пропагандой культ личности Маршала.

Что касается расширения прерогатив государства, то оно явилось следствием многих обстоятельств. Здесь не могли не оказать прямого влияния чрезвычайность ситуации, дефицит на рынке предметов потребления, общий социальный развал после беспорядочного бегства армии, разделение страны на несколько зон и присутствие оккупационной администрации на трех пятых ее территории. В этих условиях режим, имевший авторитарную структуру, получил при отсутствии какого бы то ни было парламентского контроля беспрецедентные полномочия. В руках администрации во главе с префектами сосредоточилась огромная власть; в экономической, социальной и культурной жизни была введена система ограничений и регламентации, ранее практически не применявшихся.

В то же время, пользуясь своим присутствием в Париже и удалением исполнительной власти в Виши, многие высшие функционеры весьма существенно расширили свои прерогативы. В экономике, например, так поступил Жан Бишелон, генеральный секретарь министерства, затем – министр промышленного производства, а в Министерстве внутренних дел – Рене Буске, генеральный секретарь полиции, который в июле 1942 г. вел непосредственные переговоры с СС о соглашениях в области полицейского сотрудничества.

ПОПЫТКИ ПРЕОБРАЗОВАТЬ ОБЩЕСТВО

Вишистские правители, впрочем, весьма скоро поняли, что авторитарный режим не может существовать в абсолютной изоляции от масс. Действие власти всегда лишь в одном направлении имеет свои оборотные стороны. Прежде всего, это полное неведение правительства относительно состояния общественного мнения, а, следовательно, невозможность правильной оценки той поддержки, на которую может рассчитывать режим. Осознав это, вишисты стали создавать своего рода передаточные механизмы, вроде Национального совета 1941 г. – своего рода «охвостья» Парламента. Одновременно формировалась общественная организация – «Французский легион ветеранов», наподобие предвоенных ассоциаций ветеранов, которые Легион был призван реорганизовать и объединить. Он предназначался также для того, чтобы стать боевым отрядом «национальной революции», выполняя роль «единой партии», идею которой Петен решительно отверг летом 1940 г. В дальнейшем Легион вместе со «Службой порядка легионеров» Дарнана эволюционировал в направлении боевой организации и наряду с Милицией участвовал в вооруженной борьбе. Режим мог сколько угодно провозглашать устами своего главы или действующих министров, что «национальная революция» есть таинство, «интимная» революция, по словам кардинала Жерлье. Это не помешало очень скоро произойти расколу среди французов. «Культурная революция», объявленная в первые месяцы, породила полицейское государство – такое случается нередко.

Петен и «национальная революция» были наследниками Лиоте и той традиции общественного порядка, что основана на неравенстве. Это выразилось в требованиях «послушания», соблюдения «дисциплины», которые Петен предъявлял французам, предстывая перед ними в своем неизменном командирском кепи. Но еще ярче это проявилось в стремлении сформировать и выдвинуть новые элиты, которые характеризовались бы одновременно своими заслугами, чувством ответственности, лидерскими качествами и приверженностью новой идеологии. Для решения этой задачи организовывались многочисленные «школы кадров», из которых самой знаменитой стала школа в Урьяже. Там развивали дух коллективизма, навыки управления, занимались физической культурой, причем все это делалось подчас в полувоенной форме. Летом 1940 г. появились молодежные лагеря, в которых обнаруживаются те же черты. Эти лагеря стали для режима чем-то вроде фетиша, поскольку на «здоровую» и «объединенную»

(но не «единую», как в фашистских режимах) молодежь возлагались большие надежды. Простые радости природы, физические упражнения, повиновение руководителям, слияние сердец и умов вокруг «пламени, поднимающегося от родной земли» – все это должно было способствовать расцвету новых элит. Однако проект полностью провалился.

Перед вишистским режимом стояла задача в течение нескольких месяцев преобразовать многообразный и сложный организм французского общества 1940 г. Она требовала выявления приоритетов. Правительство сосредоточилось на семье, образовании, экономике. В концепции органического общества нация понималась как высшее сообщество, а семья – как основополагающее: «Семья, эта изначальная ячейка общества, дает нам лучшую гарантию подъема. Бесплодная страна есть страна, смертельно раненная в самое сердце. Для того, чтобы Франция жила, прежде всего, нужны семейные очаги. Именно семейный очаг <...>, это духовное объединение, спасает человека от эгоизма и учит его забывать о себе и отдавать всего себя тем, кто его окружает»⁸.

В самом деле, власть уже давно была обеспокоена падением рождаемости. В июле 1939 г. оно побудило правительство Даладье принять первый Семейный кодекс, структура которого была лишь дополнена вишистским режимом. Была укреплена власть отца и главы семьи, для женщин пропагандировался статус домохозяйек, что подкреплялось финансовыми мерами: введением единой зарплаты для молодых пар или отчислениями по случаю праздника Матерей.

В области образования первые годы вишистского режима были отмечены клерикальной реакцией, очевидным реваншем над республиканскими законами 1882–1905 гг. В 1940–1941 гг. были восстановлены школы церковных конгрегаций, закрыты учительские институты, увеличена поддержка частных школ и восстановлено религиозное образование (по выбору) в государственных школах (закон от 6 января 1941 г.). «Школа без Бога отжила свое», – такой мстительный заголовок был помещен в газете *La Croix* 12 декабря 1940 г. Однако клерикальное наступление продолжалось недолго. Дело в том, что «национальная революция» оказалась перед дилеммой: либо возратить Церкви, устами нескольких высших прелатов активно поддерживавшей режим, ее бывшее влияние, но тогда отдать в ее руки и исключительный контроль над сознанием; либо восстановить светский характер образования, но сохранить примат государства, пусть даже ценой сохранения республиканской традиции. Петен недвусмысленно высказался

⁸ *Pétain H.Ph. Message aux mères de France. 25 mai 1941.*

по этому поводу в речи от 25 марта 1942 г.: «Есть область, в которой государство естественным образом осуществляет более прямое влияние на молодежь: это школа». Начиная с ноября 1941 г. Жером Каркопино начал борьбу с наступлением католицизма, вызывавшим сильное общественное недовольство, а потом предпринял технические реформы всей французской системы образования.

Разрыв между идеологическими устремлениями и практическими достижениями вишистского режима оказался особенно очевидным в экономической и социальной областях. «Национальная революция» была призвана покончить одновременно и с борьбой классов, и с либеральным капитализмом, «феодализмом трестов», как говорил Петен. На их место предполагалось поставить корпоративную систему, несколько напоминающую *Estado Novo* Салазара, в котором каждая профессия – еще одно крупное естественное «сообщество» – каждое ремесло, каждый сектор или ветвь экономики были бы организованы по вертикали, как единый организм, в котором руководители, менеджмент, технические специалисты, рабочие объединялись под арбитражем государства.

Реализуя этот план, вишистский режим первым делом учредил «профессиональные корпорации», большинство из которых существует и по сей день. Это были корпорации медиков, фармацевтов, дантистов (закон от 7 октября 1940 г.), архитекторов (закон от 31 декабря 1940 г.), ветеринаров (закон от 18 февраля 1942 г.), экспертов-бухгалтеров (закон от 3 апреля 1942 г.) и т.д. Их функцией было внутреннее регулирование профессионального сообщества, отчасти по образцу Ордена адвокатов, основанного еще Наполеоном в 1804 г. Они разрабатывали статуты, правила приема, деонтологию. Но эти органы отнюдь не обладали автономией, достаточной для определения общей политики в области здравоохранения или, скажем, развития городов; все это оставалось в ведении государства. В то же время, не подчиняясь «средневековой идеологии», новые организации не в меньшей, а, может быть, даже и в большей степени отвечали потребностям корпоративного объединения. Вот почему они оказались столь живучи и после войны, когда стали распространяться и на другие профессии.

Следующим шагом вишистского режима стала попытка выстроить на практике управляемую и даже «административную» экономику, систему специализированных органов, находившихся в руках глав предприятий (Организационные комитеты, Конторы по распределению и т.д.), которые контролировали бы производство и распределение продукции. Этот сложный процесс может быть отнесен к явлениям длительной протяженности, так как он начался до оккупации и продолжался после нее. Он означал

крах корпоративизма, обычно враждебного вмешательству государства в управление производством и склоняющегося в пользу технократических концепций, характерных для высших функционеров управленческого аппарата, которые практически руководят производством. В противоположность распространенному представлению, Хартия Труда (1941), например, решительно пресекала какие бы то ни было поползновения корпоративизма. В ней устанавливалось четкое разделение между «экономическим» и «социальным», тогда как именно их связь составляет сердцевину понятия корпоративной системы.

Функция принятия экономических решений оставалась исключительно у государства и глав предприятий. Она осуществлялась, в первую очередь, через Организационные комитеты. Другие новые органы, предусмотренные Хартией, например Социальные комитеты, обладали лишь консультативными полномочиями и лишь в том, что касалось условий труда или социальных вопросов. Единственным учреждением, близким идее корпоративной системы явилась созданная 2 декабря 1940 г. Крестьянская корпорация. Целью ее была интеграция в единую организацию всех сельскохозяйственных профессий. Участие в ней было обязательным; ее уполномоченные, конечно, избирались, но на самом деле фактически назначались государством.

КАКОВ ИТОГ?

В целом «национальная революция» осталась творением незаконченным, хрупким и... ненавистным. С 1942 г. в результате развития событий она отошла в системе приоритетов на второй план. После падения режима ее и вовсе выбросили на свалку пагубных идеологий. Тем не менее, после освобождения многие предпринятые в ходе «национальной революции» начинания были сохранены, претерпев лишь косметический ремонт, и постепенно прижились.

Более или менее значимый след вишистский режим оставил в тех областях, где он продолжал и развивал дело своих предшественников, в том числе Народного фронта. Это касается политики в области экономики, после 1941 г. – в области образования, а также политики в сфере развития семьи и спорта. Это касается, кроме того, создания системы «регионов», концепции децентрализации и реформы государственного аппарата. Напротив, там, где в ходе «национальной революции» проявлялось стремление к открытому и грубому разрыву со старым, дело в конце концов закон-

чилоось крахом. Решающим моментом в формировании отрицательного общественного отношения к петеновскому режиму стала политика дискриминации, прежде всего, евреев, которая в 1941-1942 гг. вылилась в репрессии.

Другой в высшей степени показательный пример являет собой политика в области культуры. Вишистский режим оказался не способен создать специфические формы художественного выражения⁹. Официальное искусство не появилось ни в литературе, часть представителей которой была увлечена фашизмом, а другая ориентировалась на Сопротивление, ни в кино, пребывавшем, однако же, в состоянии высокого творческого подъема, ни в театре, также переживавшем расцвет. Если какая-то система образов, связанных с Маршалом, и существовала, то она не шла ни в какое сравнение с тем, что создавалось при нацистском или фашистском режимах, и искать специфическое «петеновское искусство» было бы напрасно. Другими словами, нет никаких внятных доказательств осуществления «культурной революции» в петеновской Франции.

Для объяснения этого провала, происшедшего несмотря на очевидное желание вишистов преобразовать культуру, можно привести несколько аргументов. «Национальная революция» неизменно воспринималась через культ Маршала, и ее политический проект отходил на второй план перед сентиментальной привязанностью к Петену. К этому надо добавить недооценку роли общественного мнения, несмотря на проводившуюся активную пропаганду, и отсутствие последовательной тоталитарной концепции у большинства руководителей (кроме некоторых, вроде Жака-Бенуа Мешена или Поля Мариона¹⁰). Можно вспомнить также и о сопротивлении (с маленькой буквы) сознания людей, инерции, проистекающей то ли из непонимания, то ли из враждебности, то ли из глубоко укоренившейся республиканской культуры.

И, самое главное – «национальной революции» не хватило времени. Она была предпринята в жестких условиях, вязла в рутине повседневного

⁹ По этой, прежде недооценивавшейся, проблеме сегодня существует множество работ: *Loiseaux G.* La littérature de la défaite et de la Collaboration. P., 1984; *Bertrand-Dorléac L.* Histoire de l'Art, Paris 1940-1944. Ordre national, tradition et modernité. P., 1986; *Faure Ch.* Le projet culturel de Vichy. Folklore et Révolution nationale. Lyon, 1989. Что касается общих подходов, см.: *La vie culturelle sous Vichy / Sous dir. J.-P. Rioux.* Bruxelles, 1990. Ch. 7.

¹⁰ О Марионе и о службе пропаганды см., например: *Peschanski D.* Vichy au singulier, Vichy au pluriel. Une tentative avortée d'encadrement de la société (1941-1942) // *Annales ESC.* 1988. n. 3, mai-juin; *Idem.* Vichy 1940-1944. Contrôle et exclusion? Bruxelles, 1977.

управления, не имела широкого поля для маневра. Мелочные склоки не давали возможности определить важные и достаточно отдаленные цели. Однако нет ничего абсурдного в предположении, что, коль скоро Германия победила Францию, то если бы *regime germanica* установился надолго, эта альтернативная политическая культура могла бы укорениться. Впрочем, и сегодня, полстолетия спустя, она жива. Когда Национальный фронт в наши дни предлагает концепцию общества, основанного на дискриминации, он сознательно или нет, черпает большую часть идей в теории или практике «национальной революции».

Наследие «национальной революции», независимо от того, вспоминаем ли мы с сожалением о ее провале, или проклинаяем ее, принадлежит нашему национальному достоянию.